Дорога любви / рассказ

Category: Hekaýalar,Kitapcy
написано kitapcy | 22 января, 2025
Дорога любви / рассказ ДОРОГА ЛЮБВИ

Не стоило, конечно, чабану Шерипу так поступать. Будто он не знает, что шутки бывают веселыми, а бывают и злыми. Не должен был так шутить человек, уже давно разменявший седьмой десяток. Ладно бы был он человеком молодым, тогда его глупую шутку можно было бы списать на молодость. А еще он любит, вдоволь напившись чаю, смотреть на отару овец, на то, как они лежат, подстелив под себя свою свалявшуюся от долгого лежания и

ставшую черной и грубой шерсть, и задумчиво произнести: «Вот когда мы были молодыми…» Стряхнув в пиалу остатки чая из закопченной от дыма костра тунче, обязательно продолжит начатый разговор: «На Акджерен тогда все парни села Тораннылы заглядывались, головы теряли. Но я-то тогда был строен, как кипарис, и силен, разве я уступил бы ее кому-нибудь?! Ваш дядюшка тогда поступил в точности так же, как Героглы бек, который спокойно забрал у царя Леке его дочь Гульрух. Оставшись ни с чем, парни потом еще долго били себя по ляжкам»,- это всегда было вступлением к его воспоминаниям о прошлом. После этого он начинал крутить ручку регулятора и переключать с одной волны на другую свой старенький «Панасоник» в поисках нужной песни. «А ну, посмотрим, нет ли где песни «Как же горяч огонь любви!»? Неплохо было бы найти песни Махтумкули Гарлы «Биби» или Сахы Джапарова «Это рай», и тогда душа старика снова окунется в молодость». С этими словами он устраивался поудобнее на подушке.

Ну, ладно, уж если ты сам пережил любовные муки, зачем надо было обрекать на страдания своего замечательного чолука – подпаска, старый хрыч!

«Человек, который встал на путь любви, чувствует себя сиротой. И если та, которую он считает своей возлюбленной, обидит его, парень не находит себе места, страдает от мук любви».

И вот человек, который говорит такие слова, который, как он сам признается, испытал огонь любви и чуть не превратился в черную головешку, съездил в аул и привез оттуда скверную весть:

– Говорят, там готовятся к свадьбе дочери тракториста Моммы Товшан с младшим сыном Таймаза уста Италмазом…

«Новость», сообщенная поздним вечером, перевернула душу чолука Гурда. Стояла ранняя осень, солнечные лучи еще были достаточно горячими, однако не от его тепла бросило в жар стройного юношу. Слова старика острыми иглами вонзились в сердце Гурда, пот градом покатил с его тела. В глазах потемнело, закружилась голова. Боясь, как бы не упасть, он вцепился в седло верблюда, который еще не успел опуститься вниз.

– Не снимай седло. Сейчас придет чабан Акмят с соседнего коша и заберет его… Кажется, его нер то ли заболел, то ли еще что-то, придется на время дать ему этого верблюда.

Тем временем вдали показался силуэт человека, спускавшегося со склона ближнего холма. О чем говорил чабан с гостем,

поздоровался ли с ним или нет, когда вернется уведенная верблюдица или вообще не вернется… Ни о чем этом занятый своими мыслями подпасок думать не мог.
— Э-эй, чолук, дорогой, ты умудрился в эту тунче вместо чайной заварки соли насыпать!
Когда сквозь шум в ушах пробился голос чабана, юноша понял, что он бросил в тунче приготовленную для котла соль, а в котел с обедом высыпал чайную заварку, и смутился. Но мысленно ответил: «Раз ты привез из села такую кислую весть, то и чай получи соленый!» Вслух же только и произнес:
— Я пошел!
— Куда это ты собрался?
Накопившаяся внутри злость выплеснулась наружу:
— Да вот, хочу поздравить со свадьбой дочь тракториста Моммы и сына Таймаза уста…
Лежа на боку, подложив под голову свернутый чекмень, Шерип ага вначале весело рассмеялся, а потом в тон юноше спросил:
— Они что, твои близкие родственники, что ты собрался в дорогу, на ночь глядя? Мог бы завтра с утра пораньше отправиться…
Обычно спокойный Гурт, относящийся к старому чабану не просто как к своему наставнику, но и уважающий его как деда своего, не сдержался:
— Я лучше сейчас один пойду. А то вдруг завтра, кто его знает, мне придется гнать впереди себя отару овец в качестве свадебного подарка…
Будто говоря «вот это верные слова», Гайтмаз, до того спокойно лежавший, положив свою огромную голову на широкие, как стопа верблюда, лапы, несколько раз издал свое «Гав-гав».
— Ну, коли ты принял решение, оседлай хотя бы вон ту серую «лошадку». Ведь не зря же Кемине говорил: «И на вершок от земли есть рай». Все же путь не ближний, когда еще ты одолеешь его пешком.
Уже сделав несколько шагов, юноша на ходу бросил:
— Еще не было и не будет случая, чтобы Гурт приезжал на свадьбу на ишаке. Особенно на эту свадьбу.
С этими словами он решительно пошел своей дорогой. Словно желая всю свою злость выместить на ногах, он сунул под мышку папаху, снял с себя и забросил за плечо безрукавку, которая спасала от прямых солнечных лучей, и поспешил в сторону Тораннылы.

— Тебя надо было не Шерипом, а Горипом (Завистником) назвать, чабан ага!
Он произнес эти слова вслух, но тут же мысленно одернул себя: «Что это ты нападаешь на человека, всю жизнь проведшего в песках, где ходил Хызр, и ни одной овцы не обидел? Он ведь всего лишь сказал о том, о чем услышал в селе. Откуда ему знать, что ты из-за Товшан уже давно голову потерял?»
— Выходит, Товшан обманула меня, предала?
Карабкаясь вверх по склону холма, он увидел тушканчика, который стоял, подняв свои лапки, словно говоря ему: «А что ты хотел? Надо было с самого начала крепче держать ее».
— Но мне-то казалось, что я опутал ее сетью своих слов, нет, сердечных чувств, чтобы никто больше не мог посягнуть на нее, дорогой тушканчик.
То ли он разгорячился от быстрой ходьбы, то ли песок был слишком горячим, очень скоро ноги юноши начали гореть, и их жар ударил в голову. Только сейчас Гурт понял, что он с собой в дорогу даже воды не взял.
Мысли увлекли его в гущу событий, оставивших в душе прекрасные воспоминания.
… Последняя встреча с Товшан состоялась под сенью тутовой рощи на востоке села. То было время ухода за гусеницами тутового шелкопряда. Не отрывая взгляда от стоявшего неподалеку дома, Гурт уже давно караулил его. Увидев, как поздно вечером из него вышла высокая стройная девушка и направилась к тутовой роще, он почувствовал себя охотником, выследившим свою добычу. В руках у девушки был белый фартук, понятно, куда и зачем она направляется. Юноша осторожно последовал за Товшан.
«Красавица моя, лучшая из девушек нашего села, знаю, как сейчас прыгает твое сердечко, избравшее меня, как жаждет встречи со мной. Мне бы только увидеть тебя, насладиться красотой твоей, а потом я готов, как каракумский беркут, лететь в дальние дали. О, Аллах, только бы к ней не примкнули другие девушки!»
Его мольбы были услышаны. Войдя в рощу со стройными рядами тутовых деревьев и приступив к работе, девушка вздрогнула, услышав рядом с собой тихое покашливание. Обернувшись, увидела улыбающегося Гурда, который, по-кошачьи мягко ступая, незаметно подошел к девушке.
— Вот что, я решил помочь тебе… — он протянул девушке охапку листьев шелковицы.

Товшан отвернулась, чтобы юноша не заметил, как она покраснела от неожиданной встречи:
— Не стоило беспокоиться, я и сама могу справиться.
Гурт словно ждал этих слов, оживился:
— Ах, я готов всю жизнь беспокоиться о тебе, милая Товшан!
Сказав это, он начал быстро-быстро срывать с дерева листья, и не только с нижних веток, но и до верхних добирался. Товшан наконец не выдержала, прыснула:
— Остановись, юноша! С такой скоростью ты мигом соберешь столько листьев, что ими можно будет накормить всех гусениц села.
И в самом деле, когда юноша сбрасывал листья со своей широкой ладони, фартук сразу же начинал раздуваться.
Аю, юноша, если ты и овец своих пасешь в таком темпе, наверно, несчастные животные не успевают жиром обрасти.
— Не беспокойся, Товшан, отару я пасу, думая о тебе, поэтому никуда не спешу, хожу медленно, видя перед своим мысленным взором твой лик, так что мои бараны один жирнее другого.
— Значит, тебе не терпится добраться до своих баранов?
— Нет, моему сердцу не терпится тебя видеть, Товшан. Ты лучше скажи, когда моей маме идти к вам свататься? Я просто жажду поскорее сыграть свадьбу, а отару на целый месяц оставить Шерипу ага.
— Да что ты такое говоришь! Я сама слышала, как его жена Акджерен эдже говорила: «Чабан уже совсем стар стал. Мы даже подумываем всю ответственность за отару переложить на Гурда, а самим вернуться в село». Мне кажется, что после этого ты никогда не вернешься из песков, так и останешься там жить.
— Поверь мне, Товшан, когда привыкаешь к чистому воздуху пустыни, уходить оттуда совсем не хочется. Тем более теперь, когда мимо нашего пастбища провели большой канал, соединяющийся с Туркменским озером. Можешь не сомневаться, когда ты переберешься туда, я буду кормить тебя всякой рыбой, захочешь — жареной, захочешь — ухой из рыбы.
Девушка выразила недовольство:
— Нет, вы только посмотрите, до чего же этот человек жаден! Выходит, если я выйду за тебя замуж, ты не станешь кормить меня бараниной, а посадишь на одну рыбу!
Гурт схватил девушку за руку:
— Ты только приди к нам домой невесткой, я буду тебя кормить всем, что ты пожелаешь!

Товшан осторожно высвободила руку из цепкой ладони Гурда:
— Ну, это мы еще посмотрим…
Вдруг до них неизвестно откуда донесся тонкий голосок: «Ой, они любятся!», после чего прямо между ними упал мальчишка. Испугавшись, Товшан хотела убежать и чуть было не упала, споткнувшись о выпавший из рук полный фартук, но Гурт вовремя подоспел на помощь, подхватил девушку, не дал ей упасть. А на земле, выпучив от страха глаза и царапая землю ногтями, лежал известный на все село озорник Велли.
Пока Гурт, схватив за шиворот, поднимал мальчишку с земли, Товшан и след простыл.
Гурт схватил мальчика за ухо и стал поднимать с земли, тот взвыл от боли. Этому круглолицему толстячку было лет двенадцать.
— Ну, смельчак Велли, может, скажешь, от кого научился подслушивать чужие разговоры? Или тебя кто-то специально подослал?
— Вай, больно же, отпусти ухо!- жалобно произнес подросток. — Да я залез на это дерево, чтобы тутовника поесть. Вижу, вначале Товшан идет, а потом ты,- мальчишка шмыгнул носом. — А что, любить так приятно, да, агам?.. (Ага — старший по возрасту мужчина)
Гурт легонько хлопнул мальчишку по спине и оттолкнул:
— Если наелся тутовника, марш отсюда, чтоб я тебя больше не видел. И держи язык за зубами. Начнешь болтать, я тебе уши оторву!
— Ладно, агам. Но если тебе надо будет позвать ее, дай мне знать, я все сделаю как надо.
… Выдернув из мягкого песка ногу, Гурт с опозданием ответил на заданный тогда вопрос:
— Любовь — это не только радость, она и много страданий приносит, Велли хан. Ты узнаешь это, когда сам испытаешь это чувство!
Чтобы добраться до села Тораннылы, надо пройти через множество барханов и равнин. Одинокая фигура с удлинившейся в свете заходящего солнца тенью спешила как можно скорее попасть в это село.
* * *

А в это время чабан Шерип наслаждался чаем. Сытая отара спокойно лежала в ничем не огороженном загоне. Гайтмаз бросал

нетерпеливые взгляды то на разомлевшего от чая хозяина, то на кипящий котел, время от времени вздыхал, как бы говоря: «Ну, что, хозяин, не пора ли и нам отобедать, сам знаешь, сытому никакая беда не страшна». Пес лежал, упершись лапами в холодный песок.

— Интересно, милый чолук, до какого места ты уже дошел? Старый дурак пошутил, а ты и поверил. Может, в шутке-то своей я и не раскаюсь, а все равно душа за тебя болит, знаю, сколько мук тебе придется вынести на этом пути…

Он погладил свои коротенькие усики, усмехнулся:

— Ты должен знать, милый Гурт, что путь любви — это дорога, на которой Тахира уложили в сундук и пустили по воде, дорога, сделавшая Гариба рабом, чтобы затем продать его на рынке, дорога, вынудившая Героглы вступить в схватку с огнедышащим драконом. Что твои страдания по сравнению с их муками! Самое страшное, что может случиться с тобой, — ты испытаешь жажду да на ногах набьешь кровавые мозоли. Пустяки все это, потерпишь! Знаю, ты не трус, не станешь вздрагивать от ночного крика шакала, филина, я правильно говорю, Гайтмаз?

Кобель повернул свою огромную голову в сторону кипящего котла, от которого исходил умопомрачительный запах, всем своим видом как бы говоря: «Такого совета надо спрашивать у нас после хорошего угощения».

Котел был снят с огня только после появления гостя. Первым еду получил Гайтмаз. Когда перед ним поставили миску с накрошенной в нее лепешкой- гомме, испеченной в золе костра, и куском хорошо проваренного мяса на косточке, кобель посмотрел на людей, как бы спрашивая: «Ну, что, приступим к трапезе?» и решительно сунул нос в миску. А за обедом, плавно перешедшим в чаепитие, завязалась интересная беседа.

— Что-то я не понял твоей шутки, Шерип. Вернувшись из села, ты велел моему чолуку Кандыму как можно скорее прийти в ваш кош и забрать верблюдицу, объяснив это тем, что она нам срочно понадобилась. Скажи, что все это значит?

— А, ну-ка, Акмят, вспомни, как в пору нашей молодости испытывали жениха?

— Помню, когда я хотел жениться на Гультач, сваты со стороны

девушки засыпала вопросами: «Может ли ваш парень победить в схватке – борьбе гореш, умеет ли он в песках дрова собирать, оседлать верблюда, вырыть очаг для костра?»
– Вот видишь? Прежде чем я женился на Акджерен, меня тоже подвергали всяческим испытаниям. «Может ли он запрыгнуть в седло лошади, может ли поставить кибитку?», словом, каких только вопросов не задавали.
– Да, у каждого времени свои причуды. У нынешних женихов надо спрашивать, умеют ли они водить машину, строить высотные дома, от одного взгляда на которые кружится голова, какими языками свободно владеют…
– Это-то что. Надо спрашивать, могут ли они управлять самолетами, водить суда в штормующем море. Ты же знаешь, как любит летать наш младшенький Довран. Летая в Америку, Германию, он привозит оттуда нашему четырехлетнему внуку Бегенчику какие-то диковинные игрушки,- старик приподнял папаху и почесал в затылке,- как же эта игрушка называется, а, вспомнил, кажется, тренажером (?) называется. Одна сторона у нее зеркальная. А этот шалун говорит мне: «Иди ко мне, дед, хочешь, вертолет, а хочешь, – как же это называется, ах, да, – истребитель запустим». Смотрю я, а там как всамделишные, и небо, и земля, и облака, и озера имеются.
– Значит, внук твой прямо в доме водит самолет. Вот бы им рассказать, какие трудности выпали на нашу долю, так ведь обязательно возразят: «Зачем вспоминать то, что было при Царе Горохе?»
Так или иначе, разговор вертелся вокруг Гурда. Акмят ага не знал, смеяться ему или удивляться тому, что его коллега, отдав ему верблюдицу, отправил чолука в такую даль пешком. Он ограничился ничего не значащей фразой: «Любишь ты иногда выкидывать всякие штучки».

* * *

По тому, как стали жать башмаки, Гурт понял, что ноги его отекли. Нестерпимая боль появилась особенно после того, как он выбрался из мягких песков и пошел по твердому насту такыра.

Сняв башмаки, Гурт попытался идти босиком. Куда ни шло, если ноги попадали в трещины такыра, это можно было вытерпеть, но когда в темноте в ногу воткнулась острая колючка, он чуть не заорал от пронзившей его боли. Может, и закричал, иначе с чего вдруг вдалеке залаяла собака? И хотя спустилась вечерняя прохлада, по лицу потекли струи пота, попадая в глаза, они вызывали жжение.

«Это все ничего. Что делать, если придется всю жизнь тосковать по Товшан и умываться слезами? Неужели она и в самом деле дала согласие выйти за Италмаза? Его преимущество только в том, что он окончил учительский институт… Во всем остальном тот ничем не отличается от Гурда, ни ростом, ни особой статью. Когда он в прошлый раз был дома, мама сказала: «Таймаз уста хочет открыть двери своего дома, присматривается к девушкам, порядочную хочет выбрать для сына». Неужели мать Товшан послушалась их и дала согласие без ведома дочери? Сама-то Товшан вряд ли согласилась бы…»

Спрашивается, с чего вдруг пришла тебе в голову мысль, сотрясая тишину ночи, поиграть на туйдуке? Откуда только взялись силы, вдохновение, но средь каракумских песков вдруг зазвучала дивная мелодия, исполненная Гурдом на дилли-туйдуке. Он играл, несмотря на то, что его горло пересохло и само напоминало дудку. Мелодия называлась «Зыбагозель», но воспевала девушку по имени Товшан. Мелодия не окончилась… Когда взгляд юноши, старательно выводившего трели, то прикрывая глаза, то открывая их, то глядя в небо, то в землю, упал на два движущихся на него огонька, страх сковал все его тело. Он резко прервал игру. Засунув дудку за ремень, начал выкрикивать:

— Елбарс, Барс, Алгыр, Карагез, Алабай, Бовсер…

Кажется, он наконец-то назвал имя приближающейся собаки, потому что кобель вдруг резко остановился, высунув красный язык и тяжело дыша. Откуда-то издалека донесся голос:

— Эй, туйдукчи, иди сюда!

Гурт сразу же узнал его. Это был чабан с соседнего коша, который назывался «Четвертый колодец», его старый знакомый Какадурды.

— Ты что, друг, заблудился что ли, или с ума сошел, ночью, да еще пешком и в одиночку отправился в путь!
— Мне подойдет любое из сказанного, друг. Дай что-нибудь попить, горло пересохло…
Для путника сразу же нашлись и чай, и лепешка, и каурма — жареная баранина. Дорвавшись до еды, проголодавшийся и уставший от долгой ходьбы юноша с аппетитом поел, после чего прилег. Ему приснился сон.
… Из дома Товшан выезжает свадебный кортеж. Вначале он вроде бы собирается завернуть к дому Гурда, но потом вдруг резко меняет направление. Разочарованный Гурт обеими руками отчаянно лупит землю, он не знает, как еще выразить охватившее его чувство отчаяния и безнадеги…
Резко открыв глаза и вскочив с места, юноша увидел при желтом свете луны, что в его ладони зажата горсть земли, покачал головой. Сон как рукой сняло. Стараясь не разбудить храпящего Какадурды, он на цыпочках прошел мимо него и продолжил свой путь. Попрощался с Алгыром, который проводил его до того места, откуда забрал юношу несколько часов назад.
— Спасибо тебе, дружище, что ты не разодрал меня на части, не нанес мне незаживающих ран. И правильно, ты не мог напасть на человека, сердце которого и без того ранено. Ну, да ладно, оставайся и будь здоров, кажется, километров сорок я уже одолел, а уж остальные двадцать тем более пройду…

* * *

Когда он вошел в село, солнце уже было в зените. Гурт отправился прямиком в библиотеку. В это время Товшан должна быть на работе. Если удастся привести девушку к себе домой… Вдоль канала, идущего к Туркменскому озеру, будет открываться новое животноводческое хозяйство. Говорят, там построят полностью новый поселок. Это не так далеко от их нынешнего пастбища. И в этом новом поселке обязательно будет библиотека. Там и будет работать Товшан. «Если, конечно, тебе посчастливится жениться на ней»,- вдруг подумал юноша. Эта мысль занозой засела в его голове. Когда Гурт вошел в

помещение, Товшан как раз раскладывала книги.
— Ой, это ты? Что у тебя с лицом, парень?
Находившийся в библиотеке мальчишка быстренько схватил книгу, которую только что получил взамен сданной, и выскочил на улицу. Только после этого Гурт сумел открыть рот. Правда, голос его дрогнул:
— Товшан, как все это понимать? Говорят, ты готовишься к свадьбе…
От удивления девушка открыла рот:
— Вай, что ты такое придумал? Что за свадьба, с кем?
С трудом сдерживая нахлынувшие чувства, Гурт говорил и говорил. Чем больше Товшан слушала его, тем веселее становился ее смех.
— Надо же, что выкинул Шерип ага! А ты и поверил, поперся в такую даль, представляю, как ты измучился, пока шел сюда.
Юноша наконец-то взял себя в руки и тихим голосом спросил:
— Откуда тогда взялся разговор об Италмазе?
— Ты как раз на его свадьбу прибыл. Ты же знаешь наших соседей, Аймурата, так вот, он женится на его дочери Мяхри. Она моя лучшая подруга.
Воспользовавшись тем, что в библиотеке не было никого, юноша осторожно погладил руку девушки:
— Эх, Шерип ага, Шерип ага, устроил же ты мне испытание!
Товшан вдруг вспомнила о чем-то и рассмеялась.
— Вспомнила. Он зашел к нам, чтобы почаевничать с отцом. «Завтра возвращаюсь в пески, там один Гурт остался, я на него всю отару оставил, да и еще и кош впридачу. Молодчина парень, не зря у него имя Гурт — волк. Точно волк!» — похвалил он тебя. Мама, подававшая им обед, чай, услышала этот разговор, и он ей пришелся по душе. «Кажется, этого парня собираются женить»,- мама решила закинуть удочку. Потому что назавтра ваши должны были придти к нам сватами. На слова мамы Шерип ага сказал: «Если у тебя есть взрослая дочь, наш чолук именно тот парень, за которого надо с радостью отдавать ее, Нурджахан». А отцу сказал: «Моммы, ты же знаешь, жизнь полна испытаний, по возможности надо испытывать молодых, пустив их по тернистой дороге, вот тогда они закалятся». Какие-то странные слова он

сказал. Дверь была открыта, поэтому я и услышала этот разговор.
Гурт с трудом снял с себя обувь, которая сжимала его распухшие ноги, словно он был в пыточных башмаках.
— Эх, наставник, ну, и испытание ты мне устроил в этот раз, спасибо! Hekaýalar